

The background of the book cover is a detailed, painterly illustration. It depicts a man, likely Leonardo da Vinci, sitting in a room with a slanted wooden roof. He is holding a painting of the Mona Lisa. To his left is a large window with white shutters, looking out onto a scenic view of a hillside town with a river and a large dome, resembling Florence. On the windowsill is a potted plant with yellow fruit. In the foreground, there is a wooden table with various tools and a keyboard instrument. A small lantern is on a desk to the right. The overall style is classical and evocative.

МАКС ЛАНСКИХ

ПОКА ОТКРЫТЫ СТАВНИ

КОЛЛЕКЦИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ИСТОРИЙ
О ЛЮДЯХ, ВРЕМЕНИ
И НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ

СПЕЦИАЛЬНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ:

ПЛЕННИЦА НА ТОПОЛИНОЙ ДОСКЕ

История похищения «Моны Лизы».
Великий пророческий монолог Леонардо да Винчи
и тихое безумие Винченцо Перуджи.
Флоренция. Париж. 1911 год.

КНИГА ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗАМЕДЛИТЬ БЕГ ВРЕМЕНИ
И ОТКРЫТЬ СТАВНИ НАВСТРЕЧУ НАСТОЯЩЕЙ ИТАЛИИ

Макс Ланских

Пока открыты ставни

«Автор»

2026

Ланских М.

Пока открыты ставни / М. Ланских — «Автор», 2026

Коллекция философских историй о тайнах человеческой души, укоренённых в залитых солнцем пейзажах Италии — от уютных улочек Амальфи до убогой парижской мансарды, где два года скрывали похищенную «Мону Лизу». «Пока открыты ставни» — это коллекция пронзительных, наполненных солнцем и меланхолией историй об Италии и её людям. Под одной обложкой собрались судьбы тех, кто умеет слушать время, металл, дерево и человеческую душу. Старый капитан в Амальфи, римский настройщик роялей, ищущий живой звук в надтреснутой струне, венецианский стеклодув, хранящий воздух в хрупких лепестках люстры, и миланский бизнесмен, заново учащийся дышать в тосканских оливковых рощах... Каждая новелла — это попытка затаить дыхание и поймать ускользающий момент настоящей жизни. Специальное дополнение издания: масштабная историко-философская драма «Пленница на тополиной доске». Кульминационная история о роковом похищении «Моны Лизы» из Лувра в 1911 году.

© Ланских М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Амальфитанская кислинка	6
Между двумя нотами	10
Царапина на часах	14
Пузырек воздуха	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пока открыты ставни

От автора

«Пока открыты ставни»— это коллекция пронзительных, наполненных солнцем и меланхолией историй об Италии и её людям.

Под одной обложкой собрались судьбы тех, кто умеет слушать время, металл, дерево и человеческую душу. Старый капитан в Амальфи, римский настройщик роялей, ищущий живой звук в надтреснутой струне, венецианский стеклодув, хранящий воздух в хрупких лепестках люстры, и миланский бизнесмен, заново учащийся дышать в тосканских оливковых рощах... Каждая новелла — это попытка затаить дыхание и поймать ускользающий момент настоящей жизни.

Эта книга для тех, кто хочет замедлить бег времени, почувствовать тепло нагретого камня и открыть ставни навстречу настоящей Италии.

Амальфитанская кислинка

Солнце медленно опускалось за горизонт. Последние лучи скользили по скалам Амальфитанского побережья, оставляя на камне тёплый золотистый отсвет. Синьор Марко Белладжо сидел на террасе уютного кафе, задумчиво помешивая ложечкой остывающий эспрессо. С моря тянуло прохладой, а из кухни доносился запах свежей выпечки и базилика.

Сегодня он ждал особенную гостью. После долгих месяцев обещаний к нему наконец приехала внучка Джулия из Милана. Он то и дело поглядывал на узкую улочку, ведущую к площади.

Вскоре среди прохожих мелькнула знакомая фигура. Джулия заметила деда издали и помахала рукой. Сеньор Марко поднялся ей навстречу.

— Наконец-то, — сказал он, крепко обнимая внуку. — Думал, Милан тебя уже не отпустит.

— Еле вырвалась, — рассмеялась Джулия. — Но оно того стоило.

Они сели за столик. Официант почти сразу поставил перед девушкой стакан воды и кусочек лимонного пирога, который Марко заказал заранее — он помнил, что в детстве она его обожала.

Джулия огляделась вокруг, вдохнула солёный морской воздух:

— Нонно, такое чувство, будто здесь никто не следит за временем.

Марко улыбнулся. Потом перевёл взгляд на море и тихо произнёс:

— Потому что его здесь не догоняют. Люди здесь просто живут. *Il dolce far niente*.

За соседним столиком пожилой рыбак горячо спорил с официантом о вчерашнем футбольном матче, размахивая руками так, словно от его доводов зависел исход игры. Где-то внизу пронзительно взвизгнул мотор — по узкой улице промчалась красная «Веспа». Кафе постепенно наполнялось вечерними голосами, звоном посуды и смехом. День неторопливо уступал место вечеру, и Марко вдруг подумал, что некоторые вещи не меняются, сколько бы лет ни прошло.

В свои шестьдесят восемь Марко Белладжо сохранил привычку просыпаться в четыре утра, когда даже портовые чайки ещё спали.

Он не тосковал по морю — просто слишком хорошо его помнил. Его капитанский мостик давно сменился тихой пенсией в Амальфи, но взгляд остался прежним: цепким и оценивающим.

Солнце почти ушло за горизонт. Внизу у причала лениво покачивались лодки. Джулия оторвалась от телефона, обвела взглядом зажатые между скал разноцветные домики и спросила:

— Нонно, я всё думаю... Вокруг так много красивых мест. Почему, выйдя на пенсию, ты уехал из Генуи и выбрал именно Амальфи?

Марко усмехнулся, лениво помешивая свой эспрессо.

— А ты знаешь историю этого места, дорогая? Думаешь, это просто открытка для туристов с лимонными деревьями?

Джулия пожала плечами, и старик, откинувшись на спинку стула, кивнул в сторону моря:

— В девятом веке этот крошечный городок был первой Морской Республикой Италии. Он правил Средиземноморьем задолго до того, как поднялись Генуя и Венеция. А знаешь ли ты, что местные купцы держали в руках всю торговлю между Западом и Востоком?

Джулия отрицательно покачала головой.

— То-то же! Именно здесь, в Амальфи, создали первый в мире морской кодекс — свод законов, по которому веками жил весь мировой флот. Здесь люди знали толк в навигации. И бумагу, кстати, делать вручную они тоже научились первыми в Европе, подсмотрев секрет у арабов. Кстати, Ватикан до сих пор покупает её в местном музее для своих важных документов.

Он сделал глоток кофе и продолжил, обведя рукой крутые скалы:

— Посмотри на эти дома, они ведь буквально наползают друг на друга в ущелье. В двенадцатом веке республику захватили норманны, а в четырнадцатом — страшный шторм и наводнение разрушили порт и навсегда смыли величие Амальфи в океан, превратив супердержаву в рыбацкую провинцию. Но море оставило здесь свой характер. Мне, как старому капитану, приятно жить там, где каждый камень помнит запах больших торговых судов и солёной пены.

Джулия завороченно посмотрела на Кафедральный собор Святого Андрея, чья мозаика сверкала в лучах уходящего солнца над главной площадью. Слова деда изменили этот пейзаж — в нём появился масштаб.

— Потрясающе, — тихо сказала она, откладывая телефон экраном вниз. — Наводнение уничтожило целую империю... Нонно, а Расскажи о шторме. Ну, настоящем, из твоей жизни. О таком, когда тебе действительно было страшно.

Марко перевёл взгляд на горизонт. Его пальцы медленно повернули чашку.

— Мне тогда было двадцать шесть, может чуть больше, — тихо начал он. — Я работал вторым помощником на старом сухогрузе «Аквилония». Мы везли тридцать тысяч тонн марокканских фосфатов из Касабланки. Насыпной груз — это живой организм, Джулия. Если он намокнет или сместится в трюме, судно ляжет на борт за минуты. Мы были в Атлантике, когда нас догнал мощный циклон. Синоптики ошиблись на двенадцать часов и, к нашему несчастью, всё началось мгновенно. Небо упало в воду, стало свинцовым, а волны выросли до высоты пятиэтажного дома.

Марко сжал кулак и легонько ударил по столу.

— Волны били в нос с такой бешеной силой, что вся «Аквилония» содрогалась от киля до клотика. Это был стон перегруженного металла. Судно скрипело, вибрировало, и каждый раз, когда корма взлетала вверх, оголяя винты, корпус колотило мелкой дрожью. Вторым помощником ты уже понимаешь физику процесса. Стоишь на мостике, смотришь на прогиб палубы и думаешь: «Вот сейчас. Ещё один удар, и сталь не выдержит. Корпус просто лопнет посередине».

— И что вы делали? — Джулия слушала, не мигая.

— Страха как такового не было, был животный расчёт. Капитан держал судно носом к волне, на самом малом ходу, чтобы сохранять управляемость. Два часа, представь! Ровно сто двадцать минут стихия перемалывала нас. Руки на штурвале у матроса побелели от напряжения. И вдруг... всё кончилось. Будто кто-то повернул выключатель. Ветер стих за пару минут. Тучи разошлись, выкатился абсолютно равнодушный, чистый солнечный свет. Кругом ни пены — только гигантская, тяжёлая океанская зыбь. Огромные холмы воды, на которых наш избитый сухогруз качался, как щепка. Мы вышли на крыло мостика, покрытое коркой соли. Капитан молча достал сигарету, но у него так тряслись пальцы, что он не мог её прикурить. Тогда я понял: море не злое и не доброе. Ему просто всё равно. После таких двух часов в двадцать шесть лет, внучка, в сорок ты с лёгкостью соглашаешься на тихий офис в Генуе.

Марко мягко улыбнулся и пододвинул к Джулии вазочку с миндальным печеньем.

— Ну вот. Раз я поделился с тобой своей историей, теперь твоя очередь порадовать старика. Расскажи, Джулия. Какие штормы сейчас бушуют в твоём Милане? Из-за чего там бьются сердца и сидят к тридцати годам?

Джулия громко усмехнулась. На её телефон беззвучно падали уведомления, но здесь, в Амальфи, этот хаос вдруг потерял свою былую силу.

— У нас нет океана, нонно. Но у нас есть дедлайны. Месяц назад наше агентство запустило международную кампанию для одного модного бренда. Контракт на миллионы евро. Я была ведущим продюсером. Полгода работы, съёмки по всему миру, всё просчитано до секунды. И за три часа до мирового релиза всё рухнуло. Наш главный сервер в Германии атаковал вирус-вымогатель. Представляешь! Вся база данных, готовые ролики, код сайта — всё заблокировалось. Экран стал чёрным, и на нём горел таймер: три часа до уничтожения данных. Клиенты из Токио уже просыпались, телефон разрывался, и мне казалось, что вся моя карьера сейчас просто полетит к чертям посреди этого стеклянного миланского офиса.

— И что ты предприняла, капитан Джулия? — серьёзно спросил он.

Джулия сделала глоток воды, её взгляд потеплел от воспоминаний.

— Меня спас Джузеппе. Помнишь моего друга, взъерошенного айтишника, который вечно спорит с тобой о политике? Так вот, за неделю до релиза мы как-то встретились в кафе, и он в своей занудной манере выдал: «Джулс, облачные сервера — это здорово, но настоящие параноики хранят данные в железе. Сделай физический бэкап». Я тогда только посмеялась,

но под его брзжание всё же скинула рабочую копию сайта и все фотоматериалы на старый жёсткий диск.

Она улыбнулась, вспоминая охватившую её панику.

— И вот посреди этого хаоса в офисе я вспоминаю про этот диск. До релиза два с половиной часа. Я бросаю всё, прыгаю в такси и мчусь на другой конец Милана, в свою квартиру. Влетаю в комнату, переворачиваю всё вверх дном. Ты бы видел этот шторм, нонно! Я буквально закопалась в коробках со старыми флешками, какими-то перепутанными проводами и зарядками. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон постоянно вибрировал от непрерывных звонков... И вдруг на самом дне комода я нащупываю этот чёртов металлический прямоугольник. Нашла!

Марко сочувственно кивнул, его пальцы на мгновение сжались, словно перехватывая штурвал.

— Я лечу обратно в офис, — продолжала Джулия, и в её голосе зазвучали победные нотки. — Врываюсь в серверную, протягиваю диск парням. Они вручную изолировали заражённую сеть, подключили чистый резервный сервер и начали заливать копию. Это были самые долгие два часа в моей жизни. Мы просто сидели на полу и смотрели на ползущую полосу загрузки. Ровно за десять минут до того, как японцы должны были нажать кнопку «Старт», сайт ожил. Мы не победили вирус, но мы развернули точную, чистую копию в обход хакеров. Клиенты даже ничего не заметили.

Старик откинулся на спинку стула. На его губах играла гордая улыбка.

— Ну вот, — негромко произнёс он. — А ты говорила, что у вас нет океана. Тот же шторм, Джулия. Тот же самый страх, что всё разломится пополам, и та же зыбь после спасения. Но ты удержала своё судно.

Неожиданно их беседу нарушил шорох шагов. К столику подошёл молодой официант, неся на небольшом подносе запотевший караф и два маленьких, покрытых инеем стаканчика.

— Синьор Белладжо, синьорина. Compliment от заведения. Наш домашний лимончелло из амальфитанских лимонов.

Марко и Джулия переглянулись. В этом быстром взгляде было абсолютное понимание «двух капитанов».

— А давай, — старик тепло улыбнулся. — Отметим наши старые победы, Джулия. И то, что наши суда всё ещё на плаву.

Они пили медленно, крошечными глотками. Напиток был ледяным, но стоило ему коснуться губ, как по телу разлилась плотная сладость, а следом пришла резкая, концентрированная лимонная кислинка. Она мгновенно связала рот, заставив скулы приятно онеметь от свежести.

Марко зажмурился на секунду, а затем с удовольствием сглотнул.

— Знаешь, внучка, а ведь жизнь чертовски похожа на этот лимончелло. Она ведь тоже сначала кажется невыносимо сладкой, когда ты молод. Потом она бьёт тебя, горчит, сводит скулы от страха и напряжения — прямо как этот лимонный сок. Тебе кажется, что ты не сглотнёшь эту горечь. Но ты делаешь усилие, справляешься... и внутри тебя вдруг разливается чистое, мягкое тепло. И ты понимаешь, что без этой кислинки вкус был бы слишком приторным и скучным.

Джулия улыбнулась, чувствуя, как внутри неё окончательно растворяется миланская тревога. На побережье Амальфи мягко опускалась южная итальянская ночь.

Между двумя нотами

Синьор Стефано вошёл в зал театра «Валле» через боковую дверь, неся в руке потёртый кожаный саквояж с ключами и камертонами. В театре пахло сыростью, вековой пылью и увядшими розами. На сцене, залитой бледным утренним светом, стоял огромный чёрный рояль «Стейнвей». За ним сидела девушка по имени Франческа.

Её пальцы летали по клавишам со скоростью испуганных птиц. Труднейший этюд Листа звучал безупречно. Каждая нота была на своём месте. Стефано остановился в тени кулис. Он слушал эту безукоризненную геометрию звука, но его сердце оставалось спокойным. Слишком спокойным.

Когда Франческа взяла финальный аккорд, эхо растаяло в пустых ложах. Она обернулась и заметила настройщика.

— Вы пришли настроить инструмент? — спросила она, вытирая руки платком. — Помоему, он в порядке.

Стефано подошёл ближе, положил ладонь на прохладную лакированную крышку рояля и долго молчал, глядя на клавиши, словно читал невидимый текст.

— У вас идеально настроены пальцы, дитя, но... — он запнулся.

Франческа удивлённо приподняла брови.

— А что не так?

— Душа ещё не настроилась.

Девушка резко встала, задев подол платья.

— Мой профессор в Милане говорит, что техника — это фундамент. Без неё музыка рассыпается.

— Ваш профессор прав, — согласился Стефано, открывая саквояж. — Но фундамент — это ещё не дом. В нём нельзя жить. Хотите, я расскажу вам об Альдо Моретти?

Франческа замерла. Имя великого пианиста, ушедшего со сцены на пике славы, в Италии знали все.

— Много лет назад, — начал Стефано, извлекая настроечный ключ, — Моретти давал свой последний концерт в Риме. Я готовил для него этот самый рояль. Я провозился пять часов, добиваясь эталонного звучания. Маэстро подошёл, сыграл несколько тактов, а потом положил мне руку на плечо и попросил: «Стефано, сделай одолжение. Опустить струну си-бемоль во второй октаве. Оставь её чуть менее натянутой. Буквально на долю тона».

Франческа нахмурилась:

— Но зачем?!

— Я спросил его о том же, — улыбнулся старик, коснувшись клавиши. Раздался чистый, глубокий звук. — И маэстро ответил: «Потому что идеальный звук быстро надоедает. В нём нет жизни. Жизнь рождается там, где есть трещина, усилие, едва заметный изъян. Музыка живёт не в самих нотах, друг мой. Она живет в крошечном пространстве между ними. Там, где струна колеблется, сомневаясь в собственной правоте».

Стефано повернулся к девушке.

— Вы играете так, словно боитесь совершить ошибку. Но безупречность мертва. Попробуйте сыграть этот этюд снова. Но забудьте про геометрию. Ошибитесь. Позвольте звуку немного поболеть.

Франческа медленно опустила руку на банкетку. Она посмотрела на свои руки, затем на старого настройщика. В театре стояла абсолютная тишина. Она занесла руки над клавиатурой, помедлила секунду — и нажала первую клавишу.

На этот раз звук не был идеальным, но он дышал. Он был живым. Последний аккорд этюда растаял в полумраке зала, оставив после себя странное, вибрирующее эхо.

Синьор Стефано ещё долго стоял почти неподвижно, сложив руки на груди. Его взгляд был устремлён куда-то в пустоту, мимо сцены, мимо Франчески, сквозь потёртый бархат пустых театральных лож. Он словно провалился в колодец собственного прошлого.

Тогда ему был двадцать один год. Рим горел весенним солнцем, а в кармане его старого пиджака лежал билет на первый ряд филармонии. Он вспомнил, как на сцену вышла молодая девушка. На ней было простое тёмное платье, а волосы казались золотыми в свете софитов. Когда она опустила руки на клавиши... о Боже, как она играла. Стефано забыл, как дышать. Это была не музыка, это было обнажённое сердце, бьющееся в деревянном корпусе рояля. В тот вечер он растворился в её игре без остатка.

После концерта он три часа стоял на углу здания филармонии. Дул резкий, прохладный ветер трамонтана. Стефано замёрз, но не уходил. И вот она вышла. В тонком шерстяном пальто, которое совсем не защищало от ветра, и в аккуратных, совершенно не подходивших для долгой ходьбы туфлях-лодочках.

Стефано, преодолевая сковывающее горло стеснение, сделал шаг навстречу.

— Извините, — голос его сорвался, и он тихо кашлянул. — Вы... вы сыграли Шопена так, словно знали, что я сижу в первом ряду.

Девушка остановилась. На её бледном лице промелькнула усталая, но тёплая улыбка.

— В первом ряду? С левой стороны? Вы весь второй ноктюрн сидели, зажмурившись. Я думала, вы уснули.

— Нет! — испуганно воскликнул он, а потом, заметив смешинки в её глазах, покраснел. — Я просто... пытался удержать звук внутри. Меня зовут Стефано.

— Елена, — ответила она, протягивая руку в тонкой перчатке. — И мне очень холодно, Стефано. Если вы не предложите мне горячего каштанового супа в ближайшем кафе, я просто превращусь в ледышку прямо здесь.

Они проговорили до рассвета. Это был самый счастливый и самый короткий месяц в его жизни. Они бродили по Трастевере, делили одну порцию пиццы на двоих и говорили о музыке. Но у судьбы были свои планы. Отец Елены, суровый человек с коммерческой хваткой, принял решение эмигрировать в Америку. Для Стефано это была настоящая трагедия, но изменить он уже ничего не мог.

В день их прощания на вокзале Термини шёл мелкий дождь.

— Стефано, — тихо сказала она, прижимаясь к его мокрому плечу. — Отец говорит, что мы уезжаем навсегда. Говорит, там у меня будет будущее. Рояль «Стейнвей», концерты в Нью-Йорке...

— А здесь? — спросил он, едва удерживая слёзы.

— Здесь... Здесь останется крошечное пространство между нотами, — прошептала она, повторяя слова, которые он сам когда-то ей сказал. — Самое честное, что у нас было. Не ищи меня, Стефано. Пусть всё останется идеальным черновиком.

Она уехала. А он остался в Риме. С тех пор они больше никогда не виделись. Стефано так и не женился. Он стал настройщиком, человеком, который всю жизнь лечил чужие инструменты, пытаясь исправить изъяны в собственном разбитом сердце.

Голос Франчески вернул его в реальность.

— Синьор Стефано? — Девушка смотрела на него с тревогой. — С вами всё в порядке? Вы так побледнели.

Старик встряхнул головой, прогоняя нахлынувший туман воспоминаний, и слабо улыбнулся.

— Да-да, дитя моё. Просто старые кости вспоминают старые сквозняки. Вы сыграли... прекрасно. Намного лучше. Что изменилось?

Она опустила глаза на клавиатуру, перебирая пальцами невидимые клавиши.

— Я подумала о маме, — тихо призналась Франческа. Её голос задрожал. — Она тоже была профессиональной пианисткой. Очень известной в своё время за океаном. Но полгода назад её не стало. Болезнь... Она сгорела быстро, как свеча. Сейчас, когда я играла, я вспом-

нила, как она сидела со мной за инструментом и всегда говорила: «Франческа, не старайся быть безупречной. Будь настоящей».

Стефано почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. Дыхание перехватило, а сердце застучало тяжелее. Он посмотрел на профиль Франчески — на линию её подбородка, на то, как падал свет на её золотистые волосы. Как он не заметил этого сразу?

— Как... — Стефано с трудом сглотнул сухой комок в горле. — Как звали твою маму, дитя моё?

Франческа подняла на него свои большие, полные грусти глаза.

— Елена. Елена Маркетти. Правда в Америке она выступала под фамилией моего папы.

Синьор Стефано медленно опустил голову. Саквояж с инструментами лежал у его ног. Отрегулированный им когда-то для Альдо Моретти рояль стоял на сцене, храня в себе ту самую чуть ослабленную струну си-бемоль. Круг замкнулся. Елена вернулась к нему — не в образе стареющей женщины, а в звуках, которые она передала своей дочери. В том самом живом, несовершенном звуке, который никогда не надоедает.

— Синьор Стефано? — Франческа удивленно протянула к нему руку. — Почему вы плачете?

— Это не слёзы, — старик аккуратно закрыл крышку своего саквояжа, глядя на неё с бесконечной нежностью. — Это просто душа... Наконец-то настроилась.

Царапина на часах

Утром улица Сан-Томмазо просыпалась раньше, чем открывались магазины. Хозяйка цветочной лавки выставляла на тротуар деревянные ящики с геранью, булочник через дорогу оставлял дверь приоткрытой, и тёплый запах свежего хлеба медленно заполнял всю улицу. Чуть позже появлялся синьор Альберто Ферри. Как и последние сорок два года.

Он отпирал тяжёлую деревянную дверь своей мастерской, поднимал старые жалюзи, ставил на плитку маленькую алюминиевую кофеварку и только после первой чашки доставал из внутреннего кармана жилета связку крошечных ключей.

Каждый ключ открывал отдельный ящик. В одном лежали заводные валы. В другом — рубиновые камни. В третьем — винтики настолько маленькие, что молодой почтальон однажды спросил его, не хранит ли он там песок.

Альберто тогда только усмехнулся.

— Если часы могут отставать из-за такого винтика, значит, это не песок.

На стенах мастерской не было ни одного диплома. Только часы: большие, маленькие, карманные, настенные, морские хронометры, дорожные будильники. Одни громко отбивали четверти часа, другие почти неслышно отсчитывали секунды. Все они жили немного вразнобой, и именно этот лёгкий беспорядок синьор Ферри любил больше всего.

— Когда все часы идут одинаково, — говорил он постоянным клиентам, — становится слишком тихо.

В то утро дверь открылась ещё до девяти. На пороге появился молодой мужчина с небольшим чемоданом и рюкзаком за спиной.

— Нонно!

Альберто поднял голову вверх увеличительной лупы.

— Давиде.

Они обнялись, как обнимаются мужчины, которые любят друг друга, но слишком давно не виделись.

— Ты опять похудел.

— А ты всё также говоришь всем, что тебе семьдесят, хотя давно семьдесят четыре?

— Семьдесят три, — поправил старик. — Не прибавляй мне лишнего.

Давиде рассмеялся.

Он работал программистом в Берлине уже шестой год. Домой приезжал редко — всё что-то мешало. Новый проект, новая девушка, отпуск с друзьями, ещё проект. Но в этот раз он приехал сам, без предупреждения, хотя всего на три дня.

Он оглядел мастерскую. Казалось, здесь ничего не изменилось с его детства. Те же деревянные шкафы. Та же смесь запахов машинного масла, кофе и старой древесины. И те же часы, спорящие друг с другом. Только дед стал немного медленнее двигаться.

— Всё ещё ремонтируешь только механические? — спросил Давиде.

Альберто даже не поднял головы.

— Не механические — живые.

Внук усмехнулся.

— Нонно, ты же понимаешь, что через двадцать лет никто не будет носить такие часы? Все уже давно пользуются часами на телефонах. Или на запястье, но уже электронными.

Старик посмотрел на внука. Он не обиделся и не стал спорить. Он просто снял лупу.

— Конечно.

— Конечно?

— Конечно. Через двадцать лет механических часов станет ещё меньше.

Он осторожно положил на бархатную подушечку разобранный механизм.

— Но дело ведь никогда не было в часах.

Давиде хотел что-то ответить, но в этот момент над дверью тихо звякнул колокольчик. В мастерскую вошла пожилая женщина. Она держала в руках маленькую деревянную коробочку, завернутую в старый льняной платок.

— Доброе утро, синьор Ферри.

— Доброе утро, синьора Карла.

Она поставила коробочку на прилавок так осторожно, словно внутри лежало яйцо редкой птицы.

— Они остановились.

Альберто открыл крышку. Внутри лежали серебряные карманные часы. Очень старые. Он не стал заводить их, а лишь провёл большим пальцем по крышке.

— Сегодня исполнилось бы пятьдесят лет со дня нашей свадьбы, — тихо добавила синьора Карла.

В мастерской стало тихо. Давиде вдруг заметил, что дед смотрит вовсе не на циферблат. Его взгляд задержался на глубокой царапине возле петли крышки.

Он улыбнулся.

— Она всё ещё здесь...

— Конечно здесь, — ответила женщина. — Вы же сами отказались её полировать.

— И до сих пор считаю, что был прав. — Альберто осторожно закрыл часы. — Я посмотрю их. Заходите через пару дней.

Когда синьора Карла ушла, Давиде не выдержал.

— Из-за какой-то царапины?

Старик поставил кофейник обратно на плиту и молча достал две маленькие чашки. Только когда кофе был разлит, он сказал негромко:

— Это не просто царапина. Мне тогда было двадцать два...

Он взял одну из чашек, сделал маленький глоток и на несколько секунд замолчал, будто снова перебирал в памяти детали механизма, который видел полвека назад.

— Мастерская была ещё не моя. Я тогда работал у старого синьора Бартолини. Строгий был человек, однако. Разговаривал редко, а если хвалил — значит, ты действительно сделал что-то стоящее.

Давиде взял свою чашку с кофе и устроился на старом деревянном стуле у окна.

— Однажды к нам пришёл очень богатый человек. Это сразу было видно. Не потому, что дорого одет. Просто есть люди, которые привыкли, что им никто не отказывает.

Альберто открыл ящик, достал маленькую отвёртку и машинально начал протирать её мягкой тканью.

— Он положил на стол карманные часы. Золотые. Красивые. Но видно было, что удар был сильный — механизм внутри буквально рассыпался. Баланс погнулся, ось сломана, несколько зубьев на колесе сколоты.

— Их уронили? — спросил Давиде.

— Нет.

Дед покачал головой.

— Они были в кармане его сына.

Он произнёс это спокойно, без театральной паузы.

— Парень погиб в автомобильной аварии. Ему было всего девятнадцать. Часы достали уже после...

Он не закончил фразу. В мастерской слышалось только тихое тиканье десятков механизмов.

— Он тогда сказал одну вещь, которую я запомнил на всю жизнь. Он не торговался. Не спрашивал цену. Просто сказал: «Сделайте так, будто ничего не произошло».

Давиде смотрел на деда.

— А это было невозможно?

Тот улыбнулся краешком губ.

— Я тогда был молодым. Очень хотел доказать, что умею всё. Некоторые детали пришлось делать заново вручную. Тогда ещё не было возможности просто заказать нужную запчасть. У меня ушло несколько недель на ремонт.

— И что? Получилось?

— Почти.

Альберто поставил чашку на стол.

— Когда механизм снова заработал, я был счастлив. Часы шли идеально. За сутки не теряли ни секунды.

Он снова провёл пальцем по крышке часов синьоры Карлы.

— Осталось только отполировать корпус и убрать царапины.

Давиде кивнул.

— Логично.

— Мне тоже тогда так казалось.

Старик на секунду прикрыл глаза.

— И тут вошёл синьор Бартолини.

Он долго смотрел на часы. Потом спросил: «Это ты сделал?»

Я говорю: «Да».

Он спрашивает: «А царапины куда делись?»

Я отвечаю: «Заполировал».

Давиде улыбнулся.

— И что?

— Он впервые в жизни на меня накричал.

Внук удивлённо поднял брови.

— Представляешь? Не за испорченный механизм. Не за ошибку. За слишком хорошую работу.

Альберто тихо усмехнулся.

— Потом он сказал одну фразу, которую я тогда не понял.

Старик посмотрел на часы синьоры Карлы.

— «Ты сейчас не часы ремонтируешь. Ты чужую память стираешь».

В мастерской вновь наступила тишина. За окном проехал велосипедист, а на площади ударил колокол, отсчитывая полдень.

— В тот же вечер я снова снял крышку.

— Зачем?

— Потому что синьор Бартолини велел найти ту самую царапину.

— Но ты же её убрал.

— Не до конца.

Альберто улыбнулся.

— Глубокие царапины не исчезают полностью даже после полировки. Они просто становятся почти незаметными.

Он поднял указательный палец.

— Мы нашли её. Совсем тонкую. Еле видимую на свету и... восстановили.

Через неделю за часами пришёл заказчик. Он долго молчал. Потом провёл большим пальцем по крышке — именно по тому месту, где была видна царапина, — и вдруг улыбнулся. Впервые за всё время.

Он тогда сказал:

— Вот теперь это снова часы моего сына.

Альберто медленно перевёл взгляд на Давиде.

— Тогда я наконец понял. Мы всю молодость думаем, что мастерство — это умение сделать вещь идеальной. А потом однажды понимаем, что настоящее мастерство — знать, что нельзя исправлять.

Давиде долго молчал. Потом достал из кармана телефон. Весь экран был покрыт мелкими царапинами.

— Я собирался заменить его, — сказал он.

Дед рассмеялся.

— Не сравнивай телефон с часами.

— Нет... я не об этом.

Он провёл пальцем по стеклу.

— Вот эту царапину я поставил, когда мы с тобой ходили в горы. Помнишь? Я поскользнулся возле ручья.

Альберто сразу вспомнил. Тогда Давиде было лет шестнадцать. Они возвращались с прогулки промокшие насквозь и потом целый вечер сушили ботинки у печки.

— Помню, — тихо сказал старик.

Давиде убрал телефон обратно в карман и неожиданно спросил:

— Нонно... а ты никогда не жалел, что всю жизнь просидел в этой мастерской? Мир ведь огромный.

Альберто посмотрел на часы, висевшие на дальней стене. Они спешили минуты на три уже лет десять. Он всё собирался их поправить, но всё никак не доходили руки.

— Жалел иногда, — честно ответил он. — Особенно когда был молодым. Казалось, что жизнь проходит где-то далеко. Но знаешь... люди приносили сюда не часы.

Он медленно обвёл взглядом мастерскую.

— Они приносили сюда свои жизни. Первые подарки. Новые победы. Прощания... Иногда любовь помещается в карманные часы. Иногда — в обручальное кольцо. Иногда — в старую фотографию. Просто мне достались часы.

Он осторожно завёл механизм синьоры Карлы. Тот ожил почти сразу, и вскоре мастерская снова наполнилась ещё одним размеренным, живым тиканьем.

Альберто прислушался и удовлетворённо кивнул.

— Знаешь, почему люди до сих пор любят механические часы?

Давиде улыбнулся.

— Потому что они дорогие?

— Нет.

Старик покачал головой.

— Потому что внутри у них есть сердце, которое продолжает биться.

Он поднял часы на ладони, словно прислушиваясь к их ровному ходу.

— И, наверное, каждый из нас втайне надеется, что с человеком должно быть так же. Даже когда время оставляет на нём свои царапины.

Пузырек воздуха

Когда над лагуной только начинало светлеть, а Венеция ещё дремала за полосой спокойной воды, в мастерской синьора Пьетро уже во всю гудело пламя. Старик всегда говорил, что стекло не любит спешки, но ещё больше оно не любит ленивых.

Ему было восемьдесят два.

Последние двадцать лет он не выдувал большие вещи сам — уже не хватало дыхания. Теперь этим занимались его ученики, а он только сидел рядом на высоком деревянном табурете и внимательно наблюдал за каждым их движением. Иногда достаточно было одного кивка, чтобы ученик понял: он всё делает правильно. Иногда Пьетро лишь слегка морщил лоб, и стеклянный шар тут же возвращался обратно в печь.

— Стекло всегда чувствует нерешительность, — говорил он. — Если мастер сомневается хотя бы секунду, оно начинает жить своей жизнью.

В то утро в мастерскую пришла молодая женщина. Она представилась Софией и тут же достала из сумки аккуратно свёрнутые чертежи.

— Я проектирую гостиницу на озере Комо, — сказала она. — Для центрального холла нам нужна люстра, но не обычная. Такая, чтобы люди, входя внутрь, поднимали голову.

Пьетро неторопливо развернул листы и долго ничего не говорил. Только водил пальцем по линиям.

— Красиво.

— Возьметесь?

— Возьмусь.

— Сколько времени понадобится?

— Столько, сколько понадобится стеклу.

Она улыбнулась.

— Я почему-то подумала, что вы именно так и ответите.

Пьетро пожал плечами.

— Тогда зачем спрашивали?

Они оба рассмеялись.

Следующие три дня София провела в мастерской. Она никогда раньше не видела, как рождается стекло. Раскалённая капля сначала казалась густым мёдом. Потом вдруг вытягивалась, начинала светиться изнутри, меняла форму буквально за секунды. Она наблюдала, как ученики вращают длинные трубки, как быстро работают деревянными лопатками, как снова и снова возвращают заготовку в огонь. Всё выглядело одновременно хаотично и удивительно точно.

— Вы никогда ничего не измеряете? — спросила она.

— Отнюдь.

— Но я не вижу линейек.

Пьетро постучал себя пальцем по груди.

— Она здесь.

На четвёртый день один из учеников закончил большой стеклянный лепесток для будущей люстры. Пьетро поднёс его к окну. Солнечный луч прошёл сквозь прозрачное стекло. София подошла ближе. И вдруг нахмурилась.

— Здесь пузырьрёк.

Старик посмотрел туда, куда она показывала. Пузырёк был совсем маленький, почти невидимый.

— Да.

— Это брак?

Пьетро улыбнулся.

— Нет.

— Но внутри воздух.

— Именно.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Тогда может вы его переделаете?

Старик осторожно провёл пальцем по стеклу.

— София, именно этот воздух и делает стекло живым.

Она ещё раз посмотрела на лепесток. Пузырёк был таким маленьким, что исчезал, стоило немного изменить угол.

— Никогда бы не подумала...

Синьор Пьетро немного помолчал, а потом неожиданно сказал:

— Мне было двадцать семь, кажется.

Она сразу поняла, что сейчас, скорее всего, прозвучит история из уст этого забавного старика. Ученики перестали работать и развернули свои головы к мастеру. Хотя, кажется, они слышали её уже не один раз.

— В тот год я решил сделать самую совершенную вазу на острове.

Он произнёс это без тени иронии.

— Молодые всегда хотят стать лучшими как можно быстрее. Вот и я тоже хотел.

Пьетро улыбнулся своим воспоминаниям.

— Я работал почти неделю. Плавил, выдувал. Снова плавил... Если видел хоть один пузырёк воздуха внутри стекла — всё бросал и начинал сначала. Я хотел получить абсолютную прозрачность, чтобы внутри не было ничего. Абсолютно.

Он поднял глаза на Софию.

— Когда закончил, мне казалось, что красивее вещи я ещё не делал. Она была идеальной. Тонкая. Звонкая. Прозрачная, как слеза. Свет проходил сквозь неё так, будто стекла вообще нет. Я поставил её на полку. И всю ночь не мог уснуть от счастья.

— А утром?

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.